

Авторское дело — сторона

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 1

— Бывает, что составляю нечто вроде плана, а бывает, что сажусь писать с единственной фразой в голове. Нужен только повод, чтобы сесть, а дальше... У меня это напоминает процесс засыпания: сначала фантазируешь сознательно и картинка мысленная держится лишь усилием твоей воли. А потом вдруг замечаешь, что «кадр» задвигался; сами собой меняются декорации, незнакомые люди приходят и делают что им вздумается. Я, конечно, стараюсь сохранить за собой влияние — все-таки автор! — но чаще всего логика вымышленных обстоятельств оказывается сильнее меня. Это, я думаю, непрофессионально; писатель должен уметь проводить свою линию, свою идею, а не идти на поводу у собственных созданий.

— Естественно, интересно, есть ли у героев реальные прототипы? Сергеев из городка — насколько это вы?

— А я сам у себя не всегда могу провести границу между прототипом и архетипом. Множество типов вперемешку живет в моем представлении; кто из них существовал в реальности, а кто выдуман — поди вспомни. Одно могу сказать: с натуры писать я не умею. Пробовал — не оживает человек. Что касается Сергеева, то с некоторой натяжкой его можно было бы назвать таким недоовоплощенным авторским эго. Но с натяжкой!

— Он, Сергеев, все-таки, извините, жить остается в конце? А то я и сам не совсем понял, и люди, читатели спрашивают — жалко ведь Сергеева...

— Обычно я отвечаю в том духе, что, дескать, оставляю это на усмотрение читателя, но что я полагаю, что Сергеев бессмертен, — и т.п. Но если говорить честно, сам я его прикопал — уж не знаю, живым или мертвым. Прикопал, когда дописал о нем книжку и

взялся за другую. С героями надо расставаться без сантиментов, чтобы не хватили потом за ноги.

— Вообще в книжке «Сергеев и городок» много внезапных (но закономерных, как кажется) обращений к теме смерти. И в бытовом смысле, и в метафизическом. Начиная с того, что каждый второй герой помирает (при обстоятельствах часто нелепых), и заканчивая какой-нибудь котельной при несостоявшемся пионерлагере, которая, как выясняется, построена «на костях». Близкое дыхание смерти, ощущение жизни на клад-

лей есть ко мне вопросы — вот в чем разница.

— В какой стране вы сегодня живете? Не «мы живем» — в газетах и по телевизору, — а вы лично?

— Я лично живу по эту сторону телеэкрана. Совестно признаться, но от того, что мне показывали, у меня все равно не возникает ощущения национальной катастрофы. Вот если бы телевизионную картинку можно было натянуть на всю страну, тогда да — это был бы настоящий кошмар. Но она не натягивается. А может быть, у меня просто не хватает воображения.

С героями надо расставаться без сантиментов, чтобы не хватили потом за ноги

бище — это, на ваш взгляд, непременное обстоятельство сегодняшнего существования в России?

— Не сегодняшнего, а всегдашнего. Российская действительность во все времена если была постижима, то метафизически, а смерть — одна из метафизических данностей. А строить «на костях» — наша традиция. Но кто знает, может быть, так и надо? Я слышал, что даже при строительстве храмов в фундаменте закладывали кости праведников.

— Каким вообще вы видите свой народ? И насколько понятие «народ» совпадает или не совпадает для вас с читателями?

— Народ, по-моему, видеть нельзя — это нечто вроде собственного расширенного «я». А читатель — он вот он: сидит напротив меня в «Биллингве» и задает вопросы. В отличие от народа у читате-

— Ваша книжка «Сергеев и городок» — это история нескольких поколений людей одного городка. Сильно ли сегодня испортил этих людей «квартирный вопрос» — по сравнению с годом, скажем так, 1975-м или 1964-м?

— А нет больше этого вопроса. И даже если есть, то называется он теперь «спор каких-то там субъектов» и решается в суде. Да, в общем и целом, мы решили его в ходе либерализации. Конечно, это стоило кое-кому жизни, в том числе и «в уездах», но в целом все прошло на удивление мирно и без большой крови. Сегодня жизнь ставит другие вопросы, не менее острые, но о них разговор отдельный. А люди... когда пыль осела, оказалось, что они остались те же. Мне кажется, нас не может испортить никакой вопрос.

— В выходящей сейчас книге «Петрови» герой — под конец уже, когда он превратился из мальчика-детсадовца во вполне половозрелое лицо с видом на московские институт, учебу, карьеру, — говорит: «Я знаю, чего не хочу. Не хочу быть шизофреником, не хочу быть психопатом. Не хочу быть ни дизайнером, ни москвичом... не хочу жить у тети...» Я вот тоже знаю, кажется, чего однозначно не хочу, но не знаю — чего хочу! И ваши герои живут в мире такой часто неоформленной мечты. Вы-то знаете, чего хотите?

— Это единственное, что дано человеку, — знать, чего не хочешь. Знать, чего хочешь (в метафизическом смысле) нельзя, потому что это неназываемо. Это можно только чувствовать. Кто думает, что знает, — конченые люди; из них получаются проповедники, телеведущие и общественные деятели. Для художника, даже если он прозаик, думать так означает творческую смерть. Впрочем, я лично хочу — хочу быть и шизофреником и москвичом. Мне просто интересно. Через этот интерес, между прочим, я и пришел к литературным занятиям.

— И еще один вопрос, который просил передать вам Лев Пирогов: для чего вы пишете? Ну, кроме личных причин? Надеетесь ли жечь или тушить сердца?

— Никаких причин, кроме личных. Льву Пирогову отвечу словами Льва Толстого: литературный труд заменяет мужчине деторождение. Лучше классика я не сформулирую. Просто радостно сотворять живое. Сотворил, и пусть оно себе гуляет; дальше уж авторское дело — сторона.

Беседовал Александр Вознесенский